

ИЗУЧАЯ «РАБОЧУЮ ИСТОРИЮ» ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.М. ПУШКАРЕВА

*Институт российской
истории РАН*

e-mail: pushkarev@mail.ru

В статье поставлена проблема забытого направления исследований – истории рабочих дореволюционной России. Предложены новые результаты статистики забастовочного движения с июля 1914 по февраль 1917 г., предопределившего выход России из Первой мировой войны. В статье представлены взгляды и оценки историков, изучающих рабочее движение в начале XX столетия, проанализированы роль и место металлистов как передового отряда рабочего класса, который смог обеспечить рывок в социально-политическом развитии российского общества.

Ключевые слова: Первая мировая война, рабочий в России, историография, фабричная статистика, Февральская революция 1917 г., свержение/крушение самодержавия.

Обращение к истории Первой мировой войны – это не только веление времени, но и память людей, в том числе о миллионной армии рабочих России, определивших судьбу страны в начале XX в.¹ История рабочих дореволюционной России – важное направление, но оно сегодня оказалось на обочине исторической науки. Пренебрежительное отношение к нему, как расплата за его «связь» с большевистской партией, казалось бы, должно уйти в прошлое². Но эта часть социальной истории России сегодня оказывается практически невостребованной не только в связи с Первой мировой войной. Результатом является встречающееся в литературе искажение представления о социальном облике рабочего класса, оценка массового протестного движения рабочих начала XX в., борьбу обездоленных и бесправных масс России за улучшение своего экономического и социально-политического положения.

Обращаясь к истории рабочих, бесспорно, необходимо, учитывать влияние на нее в советские времена идеологических трюизмов. Немало их и в литературе по истории рабочих в период Первой мировой войны. Чего стоит только сдерживавшая исследовательскую мысль десятилетиями концепция с подверстанными под нее схемами о направляющей и руководящей роли большевиков массовым рабочим движением. Она ограничивала разработку научных проблем, вела к некритическому использованию источников, прежде всего – воспоминаний участников революционного движения.

Нельзя забывать, что к дореволюционным рабочим России историки обращались в течение многих десятилетий. Создавались признанные мировым сообществом исследования, основанные на научной обработке большой информационной базы источников. К сожалению, сегодня в связи с пристрастием к монархам, представителям высших слоев дореволюционной России тема, связанная с положением народных масс, далека от этой конъюнктуры и последствия этого очевидны. На полках библиотек и в Интернете имеется большая литература о массовом рабочем движении, в том числе по периоду Первой мировой войны. Поэтому странно читать в новейших исследованиях, что в обстановке нарастания в России Февральской революции 1917 г. рабочее движение оставалась лишь «массовкой, причем не на основной сцене», является лишь «истлевшим театральным реквизитом»³.

Центром исследования истории труда в индустриальных странах сегодня является Международный институт социальной истории в Амстердаме (Нидерланды). Возникает вопрос: не пора ли вернуться и в России к исследованию забытого направления в отече-

¹ При общей численности населения в России на январь в 175,1 млн человек, рабочие, занятые в сфере разных производств, составляли 10% (18, 2 млн). Если учесть семьи рабочих из 3-4-х человек, то этот слой в общем составе населения составит примерно 1/5 населения страны. См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 16; История рабочего класса в СССР. Рабочий класс России 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. (Далее: Рабочий класс России). С. 42.

² См. об этом: Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX-XX вв. / отв. ред. И.М. Пушкарева. СПб., 2011. С. 7-8.

³ Булдаков В.П. Красная смута. М., 2010. С. 141, 143; Никонов В.А. Крушение России. 1917 год. М., 2011. С. 182.

ственной исторической науке? В данной статье предлагается освежить в памяти некоторую часть прежнего научного багажа, полученного исследованием дореволюционной истории труда и положения рабочих в годы Первой мировой войны, ответить авторам на «массовку», напомнить о том, что в новых исследованиях не следует проходить мимо достигнутого наукой.

В советской историографии Первой мировой войны забастовочное движение рабочих считалось одной из наиболее разработанных тем. Внимание советских историков начиная с 20-х гг. было сосредоточено на статистике забастовок, как наиболее динамичной силе в борьбе с самодержавием. На протяжении почти полвека историки пользовались в данном случае веденными в научный оборот в 20-е г. показателями статистики стачек, представленной в «Сводах фабричной инспекции». В те годы М.Г. Флеер дополнил их показателями горной инспекции. На книгу М.Г. Флеера ориентировалась вся историография в течение долгих лет, в том числе фундаментальные труды – в 1967 г. – И.И. Минца «История Великого Октября»; в 1982 г. с небольшими дополнениями за январь 1917 г. она же представлена и в «Истории рабочего класса в СССР»⁴.

Изданная небольшим тиражом в 2005 г. книга Ю.И. Кирьянова книга осталась практически мало заметной⁵. Между тем она существенно изменила показатели забастовочной борьбы в России с начала Первой мировой войны и до Февральской революции 1917 г. Они превосходят ранее известные данные о стачках и их участниках соответственно – в 1,9 и 1,6 раза.

Сегодня мы имеем не только более уточненное представление о масштабах стачечного движения. Новые статистические сведения (см. далее таблицу.) представляют в новом ракурсе роль рабочего класса в революции 1917 г., как «ударной силы» в свержении/крушении монархии в процессе слияния «совершенно различных потоков, совершенно разнородных классовых интересов»⁶, давно желавших и ожидавших изменений в государственном строе России.

По подсчетам, сделанным на основе составленной нами таблице по книге Ю.И. Кирьянова, с начала войны 19 июля 1914 г. и до 28 февраля 1917 г., определившего победу революции в России, в 5 794 стачках в России приняло участие 3 млн 239,8 рабочих. Из них только в 1904 г. в политических стачках (в 32,9% случаях стачек от общего числа) участвовало 1 млн 183,0 тыс. рабочих (в 36,5% случаев). При этом 899 политических стачек и 732,7 тыс. их участников приходилось на Петроград с 23 по 28 февраля 1917 года.

Общий взгляд на забастовочное движение рабочих России в годы Первой мировой войны фиксирует внимание на двух важных моментах – о месте этого периода в рабочем движении, начиная с его зарождения и на его характеристике, которая изменилась в последние годы, что связано с отношением вообще к рабочей истории. Отдельные фрагменты исследования рабочего движения в дореволюционной России принципиально не меняют отношение к рабочим в исторической науке, как представителям народных масс, которые первыми подняли свой миллионный голос против войны.

⁴ Россия в мировой войне. 1914-1918 (В цифрах) М., 1925; Рабочее движение в России в годы войны / подг. к печати: М.Г. Флеер. М., 1925; Флеер М.Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л. 1926; Рабочее движение в 1917 году. М.; Л., 1926. С. 14-17; Минц И.И. История Великого Октября. Т.1. Свержение самодержавия. М., 1967. С. 341-352, 374; Рабочий класс России С. 328. (В этом труде статистика стачек была дополнена показателями за январь 1917 г.).

⁵ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) / отв.ред. С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 216. Над статистикой стачек автор работал вместе с Г.Г. Касаровым, составителем хроники «Стачки в России в 1914 -феврале 1917 г.». М., 1989 г. Для получение новой информации автором был использован не только выверенный по сравнению с имевшимися в научном обороте показателями «наряд» помесечных сведений о рабочих стачках в России фабричных инспекторов и горных инженеров // Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны: материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917 гг. В 4-х выпусках / отв. ред. В.Я. Лаверычев. М., 1987. «Наряд» фабричных инспекторов и горных инженеров использовался М.Г. Флеером, но его книга содержала некорректные перегруппировки статистики, неэкономические стачки М.Г. Флеер включал в разряд политических. Ю.И.Кирьяновым была проведена контаминация показателей с материалами местных изданий и тем самым уточнены и дополнены официальные сведения о стачках. Начавшийся кризис в исторической науке в 90-е г. задержали создание книги. В 2002 г. автор приступил вновь к работе над рукописью, но многое не успел осуществить. Рукопись книги была издана в 2005 г. его коллегами.

⁶ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.

Таблица

**Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны
(19 июля 1914 г. – 23 февраля 1917 г.)**

	1914		1915		1916		1917		1914-1917	
	А*	Б**	А	Б	А	Б	А***	Б****	А	Б
Всего стачек	70	170 (149)	963	1928 (1854)	1542	2417 (2292)	400	1279 нет св.	2975	5794 (4995)
Всего стачечников	37,2	86,7	569,2	862,0	1.172,6	1.558,4	270,1	732,7	2.049,1	3.239,8
Политические стачки	8	18	216	355	243	252	229	1279	696	1904
Всего участников политических стачек	4,4	12,0	156,9	165,2	310,3	273,1	162,9	732,7	634,5	1.183,0

Примечание к таблице: итоговые данные стачечного движения в России за 1914-1917 г. – наши (И.П.).

* Здесь и далее в графе «А» – данные о стачках и стачечниках в тыс. в кн.: История рабочего класса СССР. Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917. М., 1982. С. 328. (В скобках – число стачек с известным количеством стачечников).

** Здесь и далее в графе «Б» – данные о стачках и стачечниках в тыс. в кн.: Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005. С. 202-203. Таблицы.

*** В графе «А» за 1917 г. – известное число стачек и стачечников с 19 июля 1914 г. и только до января 1917 г. включительно.

**** В графу «Б» – *Сведения о политических стачках* – включены и в общие показатели стачечного протеста с 1 января до 28 февраля 1917 г. (В показатели политических стачек вошли подсчеты Ю.И. Кирьянова за январь – 22 февраля, а также данные ленинградских исследователей за 23-28 февраля 1917 г. – 393,8 тыс. забастовщиков (Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 203)). Заметим, что в начале 1917 г. фабричные инспектора тоже затруднялись квалифицировать стачки по направлению борьбы и условно все стачки, включая февраль 1917 г., все стачки в коллективных выступлениях, сопровождавшиеся митингами и демонстрациями, считали политическими.

В советской исторической науке давно повелось отделять «китайской стеной» период до Первой мировой войны и после вступления России в войну с последовавшими событиями, предопределившими Февраль, а затем и Октябрь 1917 г. Эта периодизация в известной степени восходит к далеким временам и ленинским трудам⁷, но оказалась принятой и в новейшей историографии⁸.

Между тем, массовое рабочее движение в годы Первой мировой войны было теснейшим образом связано с глубочайшим полувековым социальным кризисом в стране, с открытыми выступлениями рабочих еще во второй половине XIX в., с первой революцией в России в 1905-1907 г. и непосредственно с периодом, который именовался в отечественной историографии «новым революционным подъемом» и который слабо связывается с выступлениями рабочих в войну. Прежде всего в силу недостаточно глубокой разработки массового довоенного рабочего движения. В 1961 г. появился «региональный» труд о стачках и положении петербургских рабочих в 1912-1914 г. Э.Э. Крузе⁹, но не было подобного ему исследования в масштабах России. Так и не вошла в научный оборот объемная хроника стачечной борьбы в 1910-1912 г., составленная и обработанная В.П. Желтовой¹⁰. Автором подсчитано число участников забастовок в 1910-1912 г., которое в 79% случаев стачек составляло 774 тыс. участников. Оно превысило данные фабричной инспекции за этот период в 2,7 раза и более, чем в 1,5 раза показатели участников рабочих

⁷ Волобуев П.В., Володарская А.М. и др. О периодизации рабочего движения в России // Рабочий класс и рабочее движение в России 1861-1917. М., 1966. С. 36-50 и др.

⁸ Имеется в виду дискуссия 90-х г., в ходе которой высказывались мнения новейшей мировой истории с 1914 г. от довоенного времени // Гросул В.А. Труды по теории истории. М., 2014. С. 435-438 и др.

⁹ Крузе Э.Э. Петербургские рабочие в 1912-1914 гг. М.; Л., 1961. С. 68-70.

¹⁰ Стаечная борьба рабочих России на начальном этапе нового революционного подъема 1910 – март 1912. Хроника событий. Ч. I-II. М., 1980; Хроника рабочего движения в России. Апрель-декабрь 1912 г. Ч. I, II. М., 1991; Желтова В.П. Стаечная борьба российского пролетариата в 1910-1912 годах. М., 1993. С. 206-211; ее же. Стаечная борьба российского пролетариата на начальном этапе нового революционного подъема (1910 – март 1912 г.): автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1986. С. 16.

стачек за 1903 и 1904 гг. перед Первой русской революцией¹¹. К 1912 г. произошло перемещение центра рабочего движения в Петербургский район, металлисты среди фабрично-заводских рабочих утвердили себя ведущей силой протестного движения. Заметно энергичное участие в рабочем движении женщин, которые в этот период пошли «к станку», заменяя мужской труд на женский. К сожалению, монография, которая должна была продолжить специально исследование массового рабочего движения в 1912-1913 г, главное внимание уделила политической деятельности большевиков в этот период¹².

Но даже официальная статистика дает возможность сравнить довоенный и послевоенный периоды. Забастовочное движение в цифрах говорит само за себя. В 1912-1913 г. в 4436 стачках участвовал 1,6 млн (1.612587) рабочих. В 1912 г. 75,8% рабочих участвовало в политических стачках от общего числа забастовщиков, в 1913 г. – 56,8%. В первые семь месяцев до начала в 1914 г. войны в 3464 стачках уже участвовало 1,3 млн (1.306246 рабочих) и 73,5% – в политических стачках. Нельзя пройти мимо такого сравнения: в 1916 г. число бастующих рабочих в России составило по данным фабричной инспекции 1,2 млн. (1.172), по уточненным показателям – 1,5 млн (1.558,4) рабочих (см. табл. 1). Оно почти сравнялось с показателями довоенных двух лет – 1912-1913 годов.

До войны Петербург утвердил свою роль центра рабочего движения. Больше всего стачек в 1912-1913 г. приходилось на Петербургскую губернию: соответственно, 36,2% и 31,4%, а в 1914 г. – 50,1 %. С января по июль 1914 г. в 506 стачках в Петрограде участвовал 1,1 млн. (1.1245,8) рабочих¹³. Летом 1914 г. рабочие Петербурга выступили с протестом против репрессий нефтяников Баку, организовавших всеобщую стачку. 3 июля наряд конной и пешей полиции расстрелял 12 тыс. участников митинга – протеста в районе Путиловского завода. 2 человека были убиты, 50 – ранены, 65 – арестованы и избиты полицией. За неделю до революции в Выборгском районе столицы, за Невской и Московской заставам возникли баррикады. Начальник охранного отделения распорядился в те дни срочно «ликвидировать» лиц, связанных с большевистской фракцией, была разгромлена газета рабочих «Трудовая правда». Общество фабрикантов и заводчиков объявило локаут более 100 тыс. рабочим-металлистам заводов Путиловского, Невского, Нобеля, Лесснера, Парвиайнена и др. за их активность в протестном движении, было арестовано 433 человека. За два дня до начала войны 17 июля в столицу России были введены войска для прекращения демонстраций. Листовка большевиков призывала «готовиться ко второй революции»¹⁴.

В день объявления войны 19 июля 1914 г. в связи с призывом запасных по мобилизации на Выборгской стороне, бастовало 27,4 тыс. 26 предприятий. У завода Эриксона прошла демонстрация с криками «Долой войну!», пением «Рабочей Марсельезы». Конными городскими она была быстро рассеяна¹⁵. Радикальная печать отметила в ряде случаев антивоенные собрания, реже – скромные демонстрации. Одна из них, но довольно малочисленная прошла в Москве 20 июля по Тверской ул. с возгласами: «Долой войну!», «Не надо крови!». Так было в первую неделю после начала мобилизации. Далее забастовки прекратились: с 19 июля по 31 декабря в стране произошло лишь 170 стачек, в которых участвовало немногим больше 80 тыс. рабочих (см. табл.). В августе, октябре, декабре 1914 г. в столице не было ни одной политической стачки, лишь в сентябре – одна и в ноябре – две¹⁶. В них время участвовало тогда лишь 12 тыс. рабочих (см. табл.).

В Петрограде первая мобилизация 86,8 тыс. человек выбила из организованных групп рабочих наиболее активных членов. Объявление столицы на военном положении практически лишало рабочих права голоса, отвоёванного у царизма в 1905 г. Новый шквал репрессий в десятки раз сократил численность партийных и легальных рабочих организаций, закрылись рабочие газеты и журналы. Указом правительства от 24.07.1914 г. определялись уголовные наказания вплоть до тюремного заключения за со-

¹¹ Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX – XX вв. / отв. ред. И.М. Пушкарёва. СПб., 2011. С. 69.

¹² Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема. 1910-1914. М., 1975.

¹³ Рабочий класс России. С. 228-229.

¹⁴ История рабочих Ленинграда. Т. I. 1903-1917. Л., 1972. С. 455-459.; Листовки петербургских большевиков. Т. II. 1907-1917. Л., 1939. С. 109-110. В советской литературе цитируемые слова были веским аргументом в подготовке большевиками Февральской революции 1917 г.

¹⁵ Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958. С. 247-248.

¹⁶ История рабочих Ленинграда. С. 474-475.

брания и манифестации, за участие в стачках – отправка в армию. «Беспорядки, стачки и забастовки как рукой сняло, подъем духа небывалый, все партии позабыты», – записал в своем дневнике вел. кн. Константин Константинович возвратившийся из-за границы в Россию¹⁷. Среди «культурных классов война «пробудила патриотическое чувство», – уточняет в своих воспоминаниях высокий царский сановник В.И. Гурко, – но – внимание: «в массе крестьянского, а теми более фабрично-заводского населения война не вызвала ни патриотического чувства, ни негодования»¹⁸.

В советской историографии при обращении к началу войны были две сменявшие одна другую концепции – «увлеченность» антивоенным протестом рабочих в начале войны¹⁹ и концепция массовой «зараженности» рабочих патриотизмом. В подавляющем большинстве случаев война в рабочей среде вызвала естественное молчаливое, глухое, покорное, а в ряде случаев и непокорное недовольство. Последнее проявлялось на призывных пунктах, где собирался семейный рабочий люд. Скрытый протест переходил в открытые выступления, которые жестко пресекались полицией и войсками²⁰. Эти протесты некоторые советские издания относили к антивоенным выступлениям и стачкам²¹.

В истории дореволюционного рабочего движения сохранилось много тезисов «публицистического» толка, не подкрепленных источниками. Например, что рабочие, увлеченные патриотизмом, затем пережив эту вспышку, возвратились к своему революционному делу.

Патриотизм – одно из наиболее глубоких формируемое веками чувств ко времени Первой мировой войны стал в России неотъемлемой частью общественного сознания. Патриотизм вообще – сложное понятие. Невозможно установить с точностью, какое количество рабочих демонстрировало свой патриотизм, точно также невозможно выяснить отношение рабочих к войне путем простого подсчета забастовок. «Цифрами нельзя объяснить, какие чувства овладевали рабочими, когда они слышали или пели свой национальный гимн»²², – заметил немецкий историк Х.Ф. Ян. Проявление патриотизма не вытесняло экономические и политические проблемы в сознании и в памяти рабочих и не исключало радикализм протестных выступлений. Спад стачек в начале 1914 г. объяснялся более всего еще не изменившимся в худшую сторону социально-экономическим положением рабочих по сравнению с довоенным временем.

Но расчёт царского правительства на то, что через три-четыре месяца война закончится, провалился. Рабочее движение начало возвращаться в прежнее русло. В 1915 г. число стачек в России возросло в 10 раз по сравнению с предыдущими военными месяцами, а число политических стачек – в 13 раз (см. табл.).

Петроград окончательно утвердил свою роль как центр общественного движения в стране. В то время, когда через год после начала войны, либеральная оппозиция отстаивала свои права в Государственной думе, а бюрократическая элита раскалывалась между властью и оппозицией²³, в рабочих районах столицы в начале сентября 1915 г. общего-

¹⁷ Дневники Николая II. 1894-1918. Т. II. 1905-1918. Ч. 2. 1914-1918. М., 2013. С. 47, 94.

¹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 644-645.

¹⁹ Поиски антивоенных выступлений в начале войны начались с публикаций 1934-1939 г., стремившихся подтвердить ленинский лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. В качестве иллюстраций приводились копии донесений с мест. Еще предстоит разораться, на основе каких фактов в этих донесениях говорилось, что «с самого начала войны рабочая масса была настроена патриотично», что «в с. Гальчиха Владимирской губ. при объявлении войны был сильный патриотической подъем в массах». См.: Из истории рабочего движения в годы Первой мировой войны. Стачечное движение в Костромской губернии // Красный архив. 1934. № 6(67). С. 25-28; Большевики в годы империалистической войны. 1914-февраль 1917 г.: сб. документов местных большевистских организаций. М., 1939. С. 62-63.

²⁰ 20 июля в Лысьве (Урал) в ходе столкновений нескольких сотен рабочих, а теперь мобилизуемых запасных полицией и войсками несколько человек были убиты и ранены. В Пермской губернии было отмечено 41 такого рода выступления промышленных рабочих с 18 по 28 июля. См.: История Урала а период капитализма. М., 1990. С. 361, 469.

²¹ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест. С. 41-44, 104-105.

²² Ян. Х.Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1961 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 381.

²³ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-1917 г.). М., 2003. С. 155-179; Никонов В.А. Указ. соч. С. 262-283 и др.; Пушкарева И.М. Власть, оппозиция и общество накануне падения самодержавия в России в новейшей историографии // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. М., 2013. С. 240-243.

родская забастовка охватила 37 заводов и фабрик и не менее 71,7 тыс. участников. С августа 1915 по август 1916 г. в Петрограде в 663 экономических и политических стачках, включая повторные, участвовало уже полмиллиона (541,9 тыс.) рабочих. В 1916 г. продовольственный вопрос обострил ситуацию настолько, что с сентября 1916 г. и по 22 февраля 1917 г. в Петрограде в 530 стачках участвовало 589,3 тыс. рабочих. При крайне обострении кризиса верхов с 23 по 28 февраля 1917 г. в стихийно возникших политических стачках в столице участвовало 393,8 тыс. рабочих²⁴.

Сегодня в истории рабочих периода Первой мировой войны столкнулись две концепции, связанные с определением уровня политической «сознательности» массового рабочего движения, характера революционных выступлений рабочих Петрограда в дни Февральской революции 1917 г. Первая концепция зародилась в советской историографии в 20-е г. и началась со споров о «стихийности» и «сознательности» массового движения рабочих в дни революции. Основанная на марксистско-ленинской идеологии, эта концепция с 30-х г. утверждала «сознательность» и «организованность» рабочего движения благодаря руководству массовым движением большевистской партией. Коррективы в это понятие «организованности» были внесены в 60-е г. в связи с выходом в свет «Истории КПСС». «Руководящая» роль революционным процессом свелась к ленинскому определению ситуации – «работа большевиков на революцию». Идеологическая направленность исследований сохранялась при обращении к теме, мешая разобраться в облике участников нарастающей демократической революции, массовых выступлений в Петрограде в феврале 1917 г.

Другая концепция брала начало в зарубежной историографии с середины XX в., со времен «холодной войны». Поразительно, что она возрождается в новых работ уважаемых историков. Один из таких примеров – книга В.П. Булдакова «Красная смута». Британский ученый С. Смит в монографии 1983 г. «увидел» в рабочих демонстрациях 1917 г. в России сборище людей с «элементами запредельной бунтарской страсти», а во всеобщих забастовках в Петрограде в феврале 1917 г. – «неквалифицированную массу – женщин, молодежь, сезонников». Удельный вес последней в рабочем движении в годы войны составлял по подсчетам С. Смита (лаборатория подсчетов не известна) – 60%.

В.П. Булдаков склонен согласиться с С. Смитом. Стремясь «прочувствовать изнутри» «сгущенно-хаотическую атмосферу эпохи» (о чем сказано в предисловии к книге «Красная смута») он обращается к металлистам и практически их «дезаурирует», отказывая всему отряду рабочих в этой отрасли в тех чертах, которые подчеркивала советская историография, т.е. развитое и сложившееся классовое сознание. Основанием является изменение в годы войны состава этой отрасли труда в связи прежде всего с приходом женщин. Отказывая в организованности питерского пролетариата в ходе революции, В.П. Булдаков считает, что стачки и демонстрации рабочих и на крупных предприятиях имели лишь «узко практический интерес», а сами выступления были «нечто средним между действиями толпы и общины»²⁵. Но массовое сознание рабочих в России было эклектично и взаимопротиворечиво. Из «него» можно всегда взять то, что нужно и выгодно авторам.

Советская историография при обращении к исследованию социально-экономического и политического положения пролетариата особое внимание обращала на металлистов, среди которых росло число высококвалифицированных, грамотных, прогрессивно мыслящих рабочих. Стачки металлистов и их настроение выделяли фабричная инспекция и охранное отделение Департамента полиции. Многие работы отмечают быстрый рост этого отряда рабочего класса. К 1913 г. численность металлистов в стране по отношению к 1908 г. увеличилось на 75% и составила почти полмиллиона – 450,689 тыс. В Петербурге они были самой многочисленной из отраслевых групп, составляя 42% от общего состава рабочих столицы, которых финансировали ведущие банковские монополии²⁶. На казенных и частных предприятиях по обработке металла и в машиностроении работали высоко квалифицированные, грамотные, политически развитые и сравнительно хорошо оплачиваемые рабочие. Предприятия гиганты, начиная с Путиловского, Обуховского заводов и еще с десятков крупных металлообрабатывающих предприятий в

²⁴ История рабочих Ленинграда. Т. I. 1903-1917. Л., 1972. С. 485, 492-494, 500-501, 515, 529.

²⁵ Smith S.A. Red Petrograd: Revolution in the Factories. 1917-1918. Cambridge, 1983. P. 36. Булдаков В.П. Красная смута. С. 142-143.

²⁶ Рабочий класс и рабочее движение. С. 36, 44, 386.

столице, не случайно назвали «бастионами революции». К этим рабочим стремились войти в доверие с революционными призывами радикальные партии и достигали успеха.

В конце 80-х – начале 90-х г. научное сообщество за рубежом с особым вниманием относилось к революционному прошлому России. Тогда действовали международные научные проекты по сравнительной характеристике стачечной борьбы в индустриальных странах, а дискуссии международных научных коллоквиумов представили взгляд со стороны на изучение истории рабочих советскими учеными. Американский ученый Л. Хаймсон с группой своих учеников составляли схемы и диаграммы, которые подтверждали в России «революцию в ожиданиях» (revolution of rising expectations). Они отмечали динамичное развитие рабочего движения в России со второй половины XIX в. через революцию 1905 г. и далее к 1914 г.²⁷ Применяв математические методы к фабричной статистике стачечного движения, эта группа исследователей то же, как и советские ученые подчеркивала ведущую роль металлистов. Пользуясь широко открытыми в те годы иностранным ученым архивами, она подтверждала достаточно высокий уровень культуры, организованности и политической зрелости этого передового слоя урбанизированных рабочих накануне 1914 г., их влияние в отдельных рабочих районах Петербурга на рабочих других производств²⁸.

Диаграммы, сравнительного анализа забастовочного движения металлистов «до» и в «ходе» войны – в 1913-1916 г. – на фоне других ведущих отраслей промышленности (обработка хлопка, шерсти химии полиграфы) еще в 20-е г. были представлены в книге Б.Б. Граве. В ней убедительно показано, что металлисты в войну также, как до войны, «тянули за собой» протестное движение, отстаивая экономические требования рабочих. В книге приведен документ петербургской охраны от 15 июля 1915 г. В нем отмечается, что металлисты отличались «крепкой внутренней спайкой и. были более других (рабочих других производств. – *И.П.*) сознательными и организованными». Говорилось, что металлисты проводят свои требования в жизнь «путем устройства по фабрикам и заводам митингов и собраний», требуя от фабрично-заводской администрации «увеличения заработка путем повышения расценки труда, а не путем увеличения сверхурочных работ» Уже в 1915 г. число успешных стачек составляло среди металлистов 83,6%. Все годы войны процент политических стачек среди металлистов превосходил все другие ведущие отрасли труда²⁹.

Роль петроградских металлистов в дни Февральской революции 1917 г. сохранивших свои позиции в годы войны, во многих случаях «застрельщиков» формировавшихся в ходе демонстраций отдельных групп массового движения с их революционной направленностью и соответствующими лозунгами подчеркнута в книге И.П. Лейберова³⁰.

Советская историография, констатируя изменения с первых месяцев войны численность и состав рабочего класса, указывала на сложность и неоднозначность процесса социальной деформации рабочего класса. Здесь нужна была бы корреляция изменения численности и сохранения довоенного состава, не говоря о более сложных методах тематического моделирования. Однако некоторые показатели говорят сами за себя. Считается, что к 1917 г. пролетариат обновился более чем на 29%, по отношению к его численности в 1913 г.³¹. В Петрограде же за всю войну было призвано лишь 17% общего числа про-

²⁷ Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 23; Hiamson L.H., Brian. Labor Unrest in Imperial Russia during the First World War: a Quantitative Analysis and Interpretation // *Annali Anno Ventisettesimo 1990/1991. Strikes, Social Conflict and the First World War. An International Perspective.* P. 389-452.

²⁸ Хаймсон Л., Петруша Р. Опыт статистического исследования данных «Сводов отчетов фабричных инспекторов о стачках рабочих в России в 1912-1914 гг. // *Математические методы ЭВМ в математических исследованиях: сб. статей / отв. ред. И.Д. Ковальченко.* М., 1985. С. 115-152; Хаймсон Л. Российское рабочее движение накануне Первой мировой войны // *Рабочий класс капиталистической России.* М., 1992. С. 41-66.

²⁹ Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. М.; Л., 1926. С. 72, 82.

³⁰ Лейберов И.П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914-март 1917 г.). М., 1979. С. 4, 15, 27, 38, 40, 51, 119, 165-173 и др.

³¹ Цифра около 40% промышленных рабочих, призванных в армию, оспаривается. См. об этом: Россия в мировой войне 1914-1918 годов (в цифрах). М., 1925; Волобуев П.В. Указ соч. С. 17-20; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. III. М., 1967. С. 59-60.

мышленных рабочих³². От военных мобилизаций меньше пострадали крупные предприятия, работавшие на оборону и казенные предприятия.

В столице с прилегающими к ней районами число рабочих в ценовой промышленности уменьшилась с 242,6 тыс. в 1914 г. до 392,8 тыс. в 1917 г., но это не касалось металлистов, где шло увеличение наемного труда. За три года войны в Петрограде оно составило 150,2 тыс. и в основном за счет металлистов: от 100,6 тыс. в 1914 г. до 237,4 тыс. в 1917 г. К 1917 г. численность промышленных рабочих в России уменьшилась до 15(14,9) млн., но она возросла на крупных предприятиях. В Петрограде к концу 1916 г. – примерно на 13%, а в 1917 г. – на 17-20%.³³

Тщательно проработав обращение к материалам ЦСУ, А.Л. Сидоров отметил, что в промышленности с 1913 г. на 1 января 1917 г. «на 10% уменьшился состав мужчин на столько, на сколько увеличился процент женщин. В среднем применение женского труда возросло на 1/3 по сравнению с довоенным уровнем». Но в металлообработке кажущиеся большие показатели замены мужского труда женским объясняются очень просто. Применение женского труда здесь увеличилось на 600%, поскольку сравниваются 3,2% в 1914 г. с 20,3% к 1917 г. В Петрограде за первые три года войны процент взрослых женщин на предприятиях повысился лишь на 8%. Сохранению прежнего состава рабочих способствовали отсрочки по призыву в армию. Ими пользовались в стране к октябрю 1916 г. не менее 1 млн 866 тыс. постоянных, опытных, квалифицированных рабочих, связанных с военной промышленностью³⁴. Среди них значительная часть была петроградских рабочих. Это касалось и военнослужащих, возвращенных из армии на петроградские предприятия.

В трудах российских историков имеются и другие доказательства поспешности новейших работ, утверждавших преобладание в массовом рабочем движении в годы войны бунтовских черт, свойственных крестьянским выступлениям. Участники стачек политического характера выступавших с такими требованиями (защита депутатов большевистской фракции Думы, протесты против репрессий, в память жертв расстрела 9 января 1905 г., Ленского расстрела в апреле 1912 г., в связи с 1 Мая) влились и составили «ядро» демонстраций в дни Февральской революции. По сведениям Ю.И. Кирьянова, число участников политических стачек в январе-феврале 1917 г. по сравнению с 1916 г. увеличилось в 2,6 раза (см. табл.). Уровень сознания февральских социально-активных массовых выступлениях рабочих в 1917 г. обеспечил поддержку Петроградскому Совету рабочих депутатов.

В ходе коллоквиумов в 90-е г. российскими и зарубежными учеными начался пересмотр прежних концепций истории рабочих в годы Первой мировой войны. Немецкий профессор Х.Ф. Ян пожелал советским историкам «оторваться от тусклого отражения (массового движения. – *И.П.*) в зеркале статистики, ведущей арифметический подсчет выступлениям и забастовкам»³⁵. Ведь цифрами, действительно, нельзя объяснить психологию рабочих, их восприятие войны, отношение к войне. В коллективном поведении рабочих громадную роль играл обычно достаточно устойчивый и сложный пласт массового сознания, механизм которого не ясен без анализа конкретных обстоятельств отдельной взятой стачки или других выступлений рабочих. Массовые выступления формировались под воздействием всей совокупности экономических условий, социальной среды, бытовых традиций, нравственных устоев, просвещения, идеологической, и политической пропаганды. Текущие события могли лимитировать партийно-политический фактор, но это не исключало его влияния. В сознании рабочих, стоявших у станка, все события, слухи, разные взгляды и идеи, бытовавшие в обществе, переправлялось как в тигеле, хотя и с разной интенсивностью. С этим приходилось иметь дело всем политическим лидерам. Проявление настроений, сходных с бунтом, случались в рабочей среде. Но, не выяснив их распространенности, вряд ли можно бунтовскими терминами характеризовать масштабные выступления рабочих. Тем более, что у истоков большинства стачек лежали

³² На военных заводах численность кадровых рабочих достигала в Петрограде к 1917 г. 50-52% мужчин призывного возраста. См.: Лейберов И.П. На штурм самодержавия. М., 1979. С. 18-19.

³³ История рабочих Ленинграда. Т.1. С. 465-466. С пригородами Петрограда – с 278 тыс. в 1914 г до 430 тыс. в 1917 г., исключительно за счет металлистов (на 148 тыс.). См.: Сидоров А.Л. Экономическое положение. С. 415.

³⁴ Сидоров А.Л. Экономическое положение рабочих в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 414-417. (Подсчеты наши. – *И.П.*)

³⁵ Ян Х.Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / отв. ред. В.Ю.Черняев. С. 381.

обычные производственные конфликты, свойственные капиталистическим предприятиям. Не менее важны внешние обстоятельства жизни города, сообщения с фронта, которые предопределяли «сознательность» протестного движения.

Советская литература подняла массу исторических источников, которые могут представить механизм организованности рабочих, притом, не формальную констатацию связи их с политическими партиями и общественными организациями. Проблема организованности рабочего движения в годы Первой мировой войны – тема специальной статьи, связанной с новой концептуальной историей. Предпосылкой исследований в области истории рабочих в годы Первой мировой войны является осмысление, например, новых теоретических подходов современной социологией общественных движений и прежде всего – парадигмы коллективных действий рабочих в дореволюционной России.

Поворот к рабочему в годы войны – обращение к проблемам антропологии – то же новый подход в оценке массового движения рабочих периода Первой мировой войны. Но определение характера движения невозможно без интеграции анализа фактов на уровне каждой стачки и даже глубже – более близкого знакомства с ее конкретными участниками. В этом отношении рабочие дореволюционной России «отстают» от крестьян: в новейших исследованиях уже показано восприятие последними войны, реакция на нарастание революционного кризиса по мере ее затягивания и другие черты их менявшегося облика в изменившихся условиях³⁶. Крестьяне приносили в рабочую среду в начале XX в. не столько бунтовские настроения, сколько нравственные и этические нормы – стремление строить отношения личности и коллектива по справедливости, механизм общественного мнения, обеспечивавший действенность протестной идеи, который находил отражение в собраниях, митингах и демонстрациях.

История дореволюционного рабочего требует серьезного обновления информационной базы. Это могут быть и проверенные на репрезентативность воспоминания рабочих, их современников с ними связанных и о них. В архивах имеется перлюстрированная корреспонденция в Департаменте полиции, по которой можно представить настроения грамотных рабочих, влияние на них политических партий. Не последнее место должно занять обращение к рабочему фольклору военного времени. История рабочих периода Первой мировой войны требует единой целевой программы с определенной методикой, подобной уже разработанной в свое время международным научным сообществом³⁷. Она позволит максимально уточнить статистику, выявить формат рабочих протестов, раскрыть связь рабочего движения с политическими партиями и рабочими организациями, представить облик рабочего и исходя из него – дать характеристику массовому рабочему движению в России в годы Первой мировой войны.

STUDYING LABOR HISTORY OF THE WORLD WAR I PERIOD

I.M. PUSHKAREVA

*Institute of Russian
History RAS*

e-mail: pushkarev@mail.ru

The author deals with forgotten direction in historical research in Post Soviet period – with the labor history of pre-revolutionary Russia. She offers new results of statistics of the strike movement in Russia since the July, 1914 to February, 1917. This events predetermined an exit of Russia from World War I and therefore they remain in the center of discussions of historians studying labor movement at the beginning of the XXth century. The author analyzes the role and a place of metalworkers as advance part of working class that provided a breakthrough in social and political development of the Russian society.

Keywords: World War I, Russian worker, historiography, factory statistics, February revolution of 1917, overthrow/crash of autocracy.

³⁶ Поршнева О.С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С. 57-86.

³⁷ См.: Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX – XX вв. / Отв. ред. И.М. Пушкарёва. СПб., 2011. С. 7-9, 17-56.